

УДК 94

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22022128139>

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ ТУРЦИИ: МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ

Ильгар Махалович Мамедов

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия,
e-mail: ilgarmm@yandex.com, ORCID: 0000-0003-4032-4571

Ссылка для цитирования: Мамедов И.М. К вопросу о внешнеполитической доктрине Турции: между Европой и Азией // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №2. С. 128-139. DOI: 10.15211/vestnikieran22022128139

***Аннотация.** Автор рассматривает идейные и ценностные основы внешней политики Турции. Османизм был космополитической доктриной и распространялся на всех подданных империи, независимо от религиозной, конфессиональной, этнической или иной принадлежности. Все они имели равные права и обязанности. Мустафа Кемаль заменил имперский космополитизм республиканским национализмом. Он установил добрососедские отношения с СССР (Евразией), Балканами (Европой) и странами Среднего Востока (Азией). После войны Турция вступила в НАТО и стала частью политической Европы. Одностороннюю ориентацию на Запад в годы холодной войны Т. Озал дополнил отношениями с соседними регионами и восстановил подходы кемализма, исходя из углублённого понимания национализма. А. Давутоглу концептуально обосновал внешнеполитический регионализм в понятии «стратегической глубины». Опираясь на эволюционирующую идеологию – неокемализм, Т. Озал и Партия справедливости и развития (ПСР) своими преобразованиями создали фактически новую республику, которая восстановила регионализм Ататюрка во внешней политике. Поэтому «неореспубликанизм», «турецкий регионализм» и «неокемализм» выглядят более подходящими терминами для обозначения исследуемых идеологических новаций.*

***Ключевые слова:** Европа, национализм, неокемализм, неореспубликанизм, озализм, светскость, турецкий регионализм, Турция.*

Статья поступила в редакцию: 22.02.2022.

ON THE QUESTION OF THE FOREIGN POLICY DOCTRINE OF TURKEY: BETWEEN EUROPE AND ASIA

Ilgar M. Mamedov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: ilgarmm@yandex.com, ORCID: 0000-0003-4032-4571

For citing: Mamedov, I.M. (2022). On the question of the foreign policy doctrine of Turkey: between Europe and Asia. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 26(2): 128-139. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran22022128139

Abstract. *The author investigates traits of foreign policy which is based on ideological principles and values. Osmanism was a cosmopolitan doctrine and extended to all subjects of the empire. It meant that regardless of religious, confessional, ethnic or other affiliation, all subjects of the Osman Empire have equal rights and responsibilities and belong to a single Osman nation. Mustafa Kemal replaced Osman cosmopolitanism with Republican nationalism. He established good-neighborly relations with Russia/USSR – Eurasia, the Balkans – Europe and the Middle East – Asia. After the war, Turkey joined NATO and became part of Europe. T. Ozal supplemented unilateral orientation towards the West during the Cold War with relations with neighboring regions and restored the approaches of Kemalism proceeding however from more extended understanding of nationalism. A. Davutoglu conceptually rationalized foreign policy regionalism in the concept of «strategic depth». Relying on the evolving ideology – neokemalism, T. Ozal and the Justice and Development Party, through their transformations, created a new republic, which restored Atatürk's regionalism in foreign policy. Therefore, «Neo-Republicanism», «Turkish Regionalism» and «Neokemalism» seem to be more appropriate terms for the issue under study.*

Key words: *Europe, Nationalism, Neokemalism, Neo-Republicanism, Ozalism, Secularism, Turkish Regionalism, Turkey.*

Article received: 22.02.2022.

Современную политику Турции некоторые исследователи стали называть «неосманизмом», но среди учёных по данному вопросу нет единого мнения. Учитывая дискуссионность темы, стоит разобраться: правомерен ли данный термин. Неосманизм тесно связан с восприятием истории, с концептуализацией культуры и географии применительно к внешней политике Анкары. Исходя из этого, рассмотрено наследие Мустафы Кемала Ататюрка, основоположника республики, а также взгляды Тургутта Озала и Ахмета Давутоглу, считающихся творцами нынешней политики Турции. Сравнивая концептуальные подходы М.К. Ататюрка, Т. Озала и А. Давутоглу, мы попытались проследить их эволюцию и дать своё видение проблемы.

Неосманизм

Кто и когда впервые ввёл термин «неосманизм» – вопрос спорный. Утверждают, что его впервые использовали греки после интервенции Турции на Кипр в 1974 г. (Yanik 2016: 475-476). Английский аналитик Д. Барчард в 1985 г. употребил термин «неосманизм», рассматривая его как одну из внешнеполитических перспектив. Он подчеркнул сильную память об имперском прошлом и полагал, что с усилением экономической мощи Турция будет стремиться утвердить себя на Ближнем Востоке и в исламском мире, а не захочет стать последним среди членов ЕС. Если Турция и Европа будут двигаться в противоположных направлениях, региональное лидерство и османо-исламское наследие станут основами, на которые будут опираться власти (Barchard 1985: 91).

В Турции изобретение термина «неосманизм» обычно приписывают Ч. Чандару, журналисту и советнику Т. Озала (Yanik 2011: 84). Английский учёный А. Мюринсон подтверждает это мнение и полагает, что это было интеллектуальное движение, которое выступало за

активную и диверсифицированную внешнюю политику Турции на основе османского исторического наследия (Murinson 2006: 946).

Многие эксперты считают термин ошибочным. Греческий аналитик И. Муцис утверждает, что он не является точным, поскольку османизм использовался для описания попытки османских элит в конце XIX в. укрепить османскую идентичность среди многонационального населения империи. Внешнюю политику Турции нельзя назвать неоосманской, поскольку в её инструментарии не только ислам, но и экономические средства. Ещё одна причина неприменимости данной категории для описания деятельности Р.Т. Эрдогана на международной арене заключается в том, что она основывается на концепции А. Давутоглу «ноль проблем с соседями» (Moutsis 2017: 183).

Другой греческий специалист И. Григориадис согласен, что османизм был либеральным политическим движением XIX в., направленным на формирование гражданского османского национального самосознания, охватывающего этническую, языковую и религиозную идентичность. Использование «неосманизма» для характеристики внешнеполитических инициатив Т. Озала в конце 1980-х гг. вводит в заблуждение (Grigoriadis 2010: 4).

Болгарский учёный П. Ралчев также выразил сомнение в адекватности термина. Интерпретация в Болгарии турецкой международной активности в неоосманском дискурсе порождает опасения, что речь идёт о восстановлении Османской империи, отвлекая внимание от политики А. Давутоглу «ноль проблем с соседями» (Rüma 2011: 152).

Российские учёные по-разному трактуют данное явление. Некоторые полагают, что неоосманизм, в отличие от османизма XIX в., предполагает возвращение Турции статуса великой державы, усиление её влияния на соседних Балканах, в Причерноморье, на Кавказе, Ближнем Востоке, частично в Центральной Азии, а местами и возвращение к границам периода империи (Российско-турецкие отношения 2016: 107). Согласно схожей позиции, неоосманизм представляет собой неофициальную внешнеполитическую доктрину Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством «мягкой силы», за счёт экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа. Основными элементами «сети» неоосманизма являются неопантюркизм, панисламизм, турецкое евразийство, взаимодействие с арабскими и балканскими странами, государствами Азии и Африки (Аватков 2014: 74-75). Ю. Маврина считает, что под неоосманизмом одни подразумевают попытку восстановления политического и иного влияния Турции в странах, некогда входивших в состав Османской империи. Другие – стремление Турции возродить османское величие, но на новой основе и в современных формах – через внедрение демократических институтов в структуру власти, экономическое и, возможно, религиозное доминирование. Но это вело к отказу от наследия кемализма, к идеологическому синтезу республиканских традиций западного типа с «новым исламом». Идеология неосманизма сформулирована руководящими кругами Турции с целью возрождения и усиления влияния Анкары в регионе, утерянного после развала Османской империи (Маврина 2014: 64-65).

На Балканах термин неосманизм был встречен неоднозначно. Сербский специалист Д. Танаскович утверждает, что концепция А. Давутоглу представляет собой смесь исламизма, турецкости и османского империализма (Petrović 2011: 17). Но квалифицируя это как реальный и даже легитимный геополитический фактор мировой политики, он призывает учитывать, а не игнорировать его (Едемский 2012: 208). В какой-то степени Турция, вероятно, просчиталась, полагает боснийский эксперт Э.К. Рашидагич, не вполне осознав, как её история воспринимается в регионе. Национальные идентичности в Сербии, Северной Македонии и Албании буквально построены на рассказах об освобождении от Османской империи (Rašidagić, Heso-

va 2020: 111-112).

На Западе «неосманизм» оценивали по-разному. Американский учёный Г. Фуллер уверен, что «любой вид пантюркистских или неосманских интересов или устремлений может привести только к опасной конфронтации с нарождающейся российской или западной имперской силой» (Fuller 1993: 11).

Британец А. Мюринсон полагает, что Анкара использовала неосманский дискурс для проецирования образа справедливого и беспристрастного арбитра на Ближнем Востоке, где она предприняла дипломатические усилия по мирному урегулированию арабо-израильского конфликта (Murinson 2006: 953). Попытка Турции вновь утвердить свою историческую роль «моста» между Западом и мусульманским миром будет продолжаться, заключает учёный (Murinson 2006: 961).

Итальянский автор Ф. Донелли отмечает, что традиционная турецкая идентичность была сформирована на основе языковой и территориальной общности, отвергающей мультикультурализм, который представлял собой один из главных столпов Османской империи. Однако Т. Озал рассматривал различные этнические, культурные, религиозные, языковые и политические черты как органические части новой национальной идентичности, способной принять скорее османский, чем турецкий характер. Неосманизм зародился как идеология новой турецкой элиты, отвечающей запросам, прежде всего, представителей консервативных и религиозных низов, а затем благосклонно встреченный предпринимательским средним классом (Donelli 2017: 158).

Большое место неосманизму отведено в исследованиях турецких учёных. А. Калибер с осторожностью относится к термину и полагает, что любой акцент Турции на неосманизме, возможно, будет истолкован её соседями как свидетельство колониальных устремлений (Kaliber 2013: 41). И. Рюма уверяет, что «неосманизм никогда не был определён и представлен даже в виде проекта внешней политики. Поэтому как риторика А. Давутоглу, отсылающая к османскому прошлому, так и противоречивые реакции на неё кажутся ему беспочвенными» (Rüma 2011: 142).

М. Экинчи подтверждает, что неосманизм не имеет чёткого определения. Однако он часто ассоциируется с экспансионизмом. В то время как некоторые критики традиционной осторожности республиканской внешней политики, приветствовали Т. Озала как «Османа двадцатого века», другие советовали более тщательно сформулированный и сбалансированный подход к бывшим землям империи (Ekinçi 2013: 20).

Соглашаясь с этим суждением, Г. Ишыксал в неосманизме отводит видное место исламу и имперской предыстории страны как инструментам внешней политики. Неосманизм не призывает ни к турецкому империализму на Ближнем Востоке, ни к исламской системе в Турции. Главный его аргумент заключается в том, что в отличие от других имперских держав, Турция проигнорировала и не смогла развить политические, экономические и культурные связи с государствами, возникшими на территории бывшей Османской империи, которые имеют глубокие исторические, культурные и религиозные корни (İşiksal 2015: 24).

Б. Демирташ поддерживает мнение о том, что традиционная турецкая внешняя политика предала забвению османскую историю и действовала так, будто османское наследие не имело никакого влияния на турецкое общество или на внешнюю политику страны. Но когда в 1992 г. началась боснийская война, руководители Турции поняли, что нельзя больше обходить стороной османское наследие, которое всё ещё существует на Балканах во многих политических, культурных и социальных аспектах (Demirtaş 2013: 165-167).

С. Лачинер соглашается, что неосманизм не является агрессивной внешней политикой

и добавляет, что он не направлен лишь на бывшие османские территории. Неосманизм опирается на имперское наследие, но является продуктом совершенно другой экономической и социальной структуры и стал реакцией на кемалистскую изоляционистскую внешнюю политику. Ислам, тюркизм и османизм были тремя ключевыми понятиями. Неосманисты утверждали, что Турция является естественной частью исламского, тюркского и османского мира, что обеспечивает подходящую почву для экономического и политического сотрудничества (Laciner 2009: 201-202).

Согласно Л. Яньку, первая открытая ссылка на Османскую империю была проговорена министром иностранных дел Ихсан Сабри Чаглаянгилом в 1969 г. Он утверждал, что «внешняя политика Турции по обеспечению её безопасности восходит к временам империи» и что «со времён Османской империи геополитическая ситуация вынудила Турцию выбрать баланс». Это было не случайно, поскольку в это время Анкара начала ставить под сомнение свой ранее неоспоримый союз с США и нуждалась в диверсификации внешней политики. Более того, с созданием Организации исламской конференции в 1969 г. турецкая элита начала дебаты о членстве в организации, в названии которой был ислам (Yanik 2016: 474).

Американский профессор турецкого происхождения О. Ташпинар убеждён, что дебаты о внешней политике должны учитывать три различных видения места Турции в международном порядке: 1) неосманизм, 2) кемализм и 3) турецкий голлизм. Касаясь неосманизма, автор выделяет три фактора. Во-первых, готовность принять османское наследие. Неосманизм не стремится воссоздать Османскую империю и исламскую правовую систему в Турции. Он выступает за более умеренную версию секуляризма внутри страны и более активную политику с применением политических, экономических, дипломатических и культурных рычагов. Акцент на османском наследии является попыткой сбалансировать и расширить геостратегические горизонты страны, прежде одержимой идеей следовать исключительно по западной траектории. Согласно второй характеристике, Турция – ключевое государство региона, где она должна играть очень активную дипломатическую, политическую и экономическую роль. Третий аспект неосманизма в том, что его цель – следовать западному вектору в такой же степени, как и в направлении исламского мира.

Ученый проводит чёткие различия между кемализмом и неосманизмом. Там, где неосманизм выступает за амбициозную региональную политику на Ближнем Востоке и за его пределами, кемализм предпочитает сдержанность и осторожность. Там, где первый выступает за мультикультурализм и более умеренную версию секуляризма, второй предпочитает жёсткие меры против исламского влияния и курдской этнической идентичности. Там, где неосманизм изо всех сил пытается добиться членства в ЕС и установления относительно хороших отношений с Вашингтоном, кемализм, по его мнению, всё больше обижается на ЕС и США.

Турецкий голлизм, продолжает автор, сочетает в себе элементы, общие для двух представленных выше версий. Их объединяет сильное чувство патриотизма и привязанность к турецкому государству. Неосманизм представляет собой более прагматичное и либеральное мышление, чем кемализм, но он успешно усвоил кемалистскую парадигму турецкого национализма. И неосманизм, и кемализм разделяют государствоцентричный взгляд на мир и национальные интересы Турции, имея общим знаменателем турецкий национализм. Существует определённая конвергенция между неосманизмом и кемализмом (Taşpınar 2011).

О. Челик, заместитель председателя Партии справедливости и развития и председатель её Комитета иностранных дел, депутат парламента, официальную позицию Турции выразил следующим образом: «Как наследник империи, которая успешно управляла всеми соседями

в течение сотен лет, Турция находится в уникальном положении, чтобы полностью понять и обеспечить решения глубоко укоренившихся проблем в регионе. ... Турция, однако, не намерена властвовать над другими. Недавние заявления о том, что Турция проводит политику неоосманства, не обоснованы и вводят в заблуждение. Участие Турции в региональных кризисах и конфликтах направлено лишь на то, чтобы внести вклад в их разрешение и содействовать миру и стабильности в её окружении» (Çelik 2010/2011: 32). Далее он продолжил: «Преобразование Турции из пассивного наблюдателя в активного и эффективного игрока в сфере иностранных дел было названо неоосманством теми, кто всё ещё воспринимает политику через кодификацию “интересов”. Однако Турция не имеет имперских планов и не предполагает будущего, основанного на гегемонистских целях» (Çelik 2010/2011: 74).

Кемализм

Османство было государственной идеологией Османской империи и включал в себя шариат, европеизацию, равенство наций и процветание империи (Киреев 2007: 85). На рубеже XIX и XX вв. империя находилась в лихорадочном поиске новых концепций, которые помогли бы реформироваться и европеизироваться, сохранив при этом исламское самосознание. В качестве новой идеи Юсуф Акчура предложил доктрину тюркизма в дополнение к османству и исламизму. Али бей Гусейнзаде, сохраняя тюркизм и исламизм, на место османства поставил европеизм (Мухамметдинов 1996: 67, 100). Зия Гёкальпа оставляет исламизм и тюркизм, но европеизацию заменяет модернизацией (Uzer 2016: 79).

Мустафа Кемаль отверг тюркизм и исламизм и предложил принципы светскости и национализма. Они, наряду с народностью, республиканизмом, этатизмом и революционностью составили основу кемализма – идеологии Республики Турция. Кемалистский национализм в отличие от тюркизма предыдущих идеологов выражал не этническую, религиозную, культурную и языковую, а политическую и юридическую принадлежность, был реализован в институте гражданства и ограничивался территорией Турции. Ататюрк отделил религию от государства, веру от политики. Светскость отрицала религию в турецкой идентичности. Достаточно критически относился он и к истории Османской империи. Английский автор Дж. Уокер указывает, что создание в 1923 г. Турции требовало рассматривать непосредственное прошлое как ничего не стоящее, коррумпированное и безнадежное – как что-то не достойное прославления, которое следует лишь отвергнуть и забыть (Walker 2012: 20).

Приоритетами внешней политики Мустафа Кемаль считал «укрепление братских связей с Российской Советской Республикой» (Кемаль Ататюрк 1966: 228), позже с СССР, с которым в 1925 г. был подписан Договор о дружбе и нейтралитете; сохранение и укреплении мира на Балканах и объединение региона, но не под патронажем Турции, а на равноправной основе (Кемаль Ататюрк 1966: 362-363, 367). Результатом стало образование в 1934 г. Балканского пакта в составе Турции, Греции, Югославии и Румынии. На Среднем Востоке стабильность и сотрудничество должен был обеспечить подписанный Турцией, Ираком, Ираном и Афганистаном в 1937 г. Саадабадский пакт, получивший название Ближневосточной Антанты. Оценивая Балканский пакт, учёные отмечают значимость географического фактора, которым руководствовался Ататюрк (Tüysüzoğlu 2015: 411). В этом же ключе они рассматривают и заключение Саадабадского пакта (Yakış 2015: VIII).

Озализм

Формирующиеся новые реалии после распада социалистического лагеря и СССР остро поставили вопрос о концептуализации внешней политики Турции. Турецкие специалисты по-

лагают, что в годы правления Т. Озала сформировалась новая внешняя политика, получившая название озализм или неоосманизм, которая представляла собой «похороны» кемализма. До Т. Озала из-за запрета кемалистов страна была изолирована от стран третьего мира, в связи с кипрским кризисом – от ЕС и США, а членство в НАТО препятствовало улучшению отношений с коммунистическим блоком. Одновременно обострились внутренние проблемы. Турции нужен был радикальный сдвиг во внутренней и внешней политике. Анализируя восприятие Т. Озалом этих вопросов, С. Лачинер писал, что осложнившаяся к концу 1980-х гг. курдская проблема показала, что кемалистская турецкая идентичность уже не удовлетворяла некоторые части турецкого общества. Курды и другие этнические, политические и религиозные группы потребовали нового определения идентичности, которое включало бы этническую принадлежность, культуру, религию, политические идеи и языки меньшинств. Во внешнеполитической сфере появились такие категории как неоосманизм или озалистская внешняя политика (Laçiner 2009: 156, 158, 164).

Подчёркивая значение географического фактора, Т. Озал отмечал, что соединение двух континентов, суверенитет над проливами и соседство с Ближним Востоком придаёт Турции стратегическое значение. Он очень высоко ценил тюркскую цивилизацию, считал её более всеобъемлющей, открытой и терпимой, чем европейская. Тюрки осуществили синтез культурного наследия Анатолии, культуры, которую они принесли с собой из Центральной Азии, и мусульманской религии. Т. Озал считал, что Турции следует интегрироваться с Европой (Ozal 2001). Считая Турцию политически и экономически европейской страной, Т. Озал задавался вопросом, является ли она таковой и по культуре. Сравнение христианского ЕС с мусульманской Турцией приводит его к выводу, что культурные связи между ними основаны на секуляризме, а не на религии (Ozal 2001). В этом смысле Озал рассматривал исламское пробуждение в рамках светскости и считал преимуществом при интеграции Турции с Европой.

Собственный взгляд на историю отразился на его внешнеполитической концепции. Английский автор В. Хейл заключает, что Т. Озал был известен продвижением новых направлений внешней политики по сравнению с предшественниками (Hale 2000: 205). В отличие от изоляционизма кемалистов и исламистов, выступавших за образование общего рынка с мусульманскими странами, для Т. Озала окончание холодной войны открыло благоприятные возможности на Ближнем Востоке, Балканах, в Южном Кавказе и Центральной Азии (Öktem 2001: 3).

Внешняя политика Т. Озала была отклонением от кемализма, однако не была абсолютным отказом от идей Мустафы Кемаля, которого считал величайшим турецким героем. Будучи синтезом либерализма, тюркизма, исламизма и османизма, озализм во внутренней политике заложил основы «второй республики». Умеренная религиозная, националистическая и либеральная экономическая политика озализма породила неоосманизм на международной арене. Турция начала интересоваться османскими, мусульманскими и тюркскими территориями, изменила свои приоритеты и нацелилась стать региональной державой в своём окружении (Laçiner 2009: 203-205).

Турецкие аналитики политику Т. Озала называют «похоронами кемализма» или «полным отходом от кемализма». Озализм действительно отличался от пассивной политики кемалистов, проводимой в годы холодной войны, когда Турция, вступив в НАТО, выступала в унисон с Западом. Но нельзя согласиться с тем, что этот курс означал категоричный отказ от кемализма, поскольку и при Ататюрке страна проводила достаточно активную балканскую и восточную политику. Т. Озал практически восстановил внешнеполитические подходы Ататюрка, которые в годы холодной войны не получили развития. В этом смысле речь шла об отходе не

от кемализма, а от кемалистов. Сохраняя приверженность кемалистским принципам национализма, светскости и этатизма, Т. Озал дополнил их новым содержанием в соответствии с изменившимися историческими условиями и международной обстановкой. Точно так же, как это делал Мустафа Кемаль в своё время с понятиями тюркизма, исламизма и европеизма, выдвинутыми предшествующими идеологами.

Вместе с тем между озализмом и кемализмом были различия. Национализм для Ататюрка ограничивался границами Турции, означал тотальное политическое и юридическое единство без этнических, религиозных и языковых различий, и его можно было выразить термином *türklük* (турцизм). Однако начиная с рубежа 1940–1950 гг. после установления плюрализма внутри страны содержание понятия национализма начало дополняться религиозно-культурно-историческими характеристиками. В 1960–1970-е гг. в связи с необходимостью защиты турецких киприотов начали расширяться географические границы национализма. Для Озала национализм выходил за пределы страны, охватывал тюркские народы и выражался понятием *türkçülük* (тюркизм).

Светскость Ататюрка отрицала религию в турецкой идентичности, в то время как для Озала она была её неотъемлемой частью. Светскость начала рассматриваться как принцип свободы и социального мира, который позволяет людям разных конфессий иметь возможность практиковать свои религии и выражать религиозные убеждения, но который также позволяет атеистам строить свою жизнь в соответствии с личными взглядами.

Мустафа Кемаль не ставил задачу быть частью Европы или европеизироваться, хотя кемалисты стали интерпретировать модернизацию Ататюрка как европеизацию. Озал же без интеграции в Запад не видел будущего Турции, но сохраняя свою культуру, а не растворяя её в европейской. Игнорируемая при Ататюрке османская история стала рассматриваться как часть национального наследия. Кемалисты светскость – отделение религии от политики – заменили лаицизмом, контролем религии со стороны государства. Т. Озал расширил западный приоритет во внешней политике кемалистов, равно как и модернизировал этатизм Ататюрка. Невзирая на некоторые различия между кемализмом, кемалистами и озализмом, определённая идеологическая и внешнеполитическая преемственность всё же сохранялась.

Эволюция национализма и светскости, наряду с обострением курдской проблемы в 1980-е гг., вынудили официально пересмотреть кемалистское понимание национализма/идентичности, что привело к тюрко-исламскому синтезу, который стал рассматриваться новой идентичностью Турции. Т. Озал настаивал на исключительности тюркской цивилизации, включающей в себя ислам, считая её более всеохватывающей, чем европейская, но не находящейся в антагонизме с ней, и готовой интегрироваться. Здесь в схеме Озала обнаруживалось противоречие. Тюрко-исламская цивилизация всё же отличается от западной. Она готова сосуществовать с европейской цивилизацией, но последняя к этому не расположена и противопоставляет себя другим. На Западе это всегда понимали, но в Турции не все это видели, хотя были те, кто это осознавал.

Концепция А. Давутоглу

Поиски сердцевины турецкой внешней политики, начавшиеся в 1990-е гг. Т. Озалом, в 2000-е гг. были продолжены Ахметом Давутоглу, автором доктрины «стратегической глубины». Он указывал, что новая позиция страны имеет как идеологическую, так и географическую основу. Турция расположена и в Азии, и в Европе, и через Восточное Средиземноморье связана с Африкой. Географически она находится посередине обширной земной суши Афродразии, являясь её центром. История и культура придают Турции разные региональные ха-

рактеристики. В этом смысле она является одновременно ближневосточной, балканской, кавказской, центрально-азиатской, каспийской, средиземноморской, черноморской страной и регионом Персидского залива (Davutoğlu 2008: 77-79).

В этом геополитическом контексте А. Давутоглу рассматривает стратегические инструменты Турции. НАТО определяется как средство глобальной безопасности, ОБСЕ – рамки для европейского диалога. Организация исламской конференции обеспечивает геополитическое и культурное взаимодействие в Афро-Евразии. Организация экономического сотрудничества покрывает «азиатскую глубину». Организация черноморского экономического сотрудничества объединяет страны бассейна Чёрного моря и «евразийских степей». «Исламская восьмёрка» развивает азиатско-африканские связи крупнейших мусульманских государств, а G-20 создаёт рамки для глобального политико-экономического сотрудничества (Davutoğlu 2001: 225-282).

Относительно неоосманства А. Давутоглу высказался так: «Мы желаем новых Балкан, основанных на политических ценностях, экономической взаимозависимости и культурной гармонии. Это были османские Балканы. Мы восстановим эти Балканы. Люди называют это “неоосманством”. Я не говорю об Османском государстве как вопросе внешнеполитической повестки. Я подчёркиваю османское наследие» (What Turkey Wants... 2009). Он решительно заявлял, что «я не являюсь неоосманом» и такой политики на самом деле нет (Raxhimi 2011).

В отличие от Т. Озала, А. Давутоглу рассматривал интеграцию с ЕС независимо от членства, как процесс внутренней модернизации. По сравнению с Т. Озалом, он ещё больше расширил географию внешнеполитических интересов страны. Центральная позиция Турции диктовала необходимость дополнить её взаимоотношения с Европой связями с сухопутным, морским и континентальными регионами, расположенными вокруг Турции, имеющими с ней культурно-исторические связи и составляющими её стратегическую глубину. В этом послые заключалась дилемма уже А. Давутоглу: географическая центральность и цивилизационная уникальность Турции сочетались с отношениями с соседними регионами, близкими ей в культурно-историческом смысле, но не совмещались с интеграцией в Евросоюз, представлявший другую геополитическую единицу и цивилизацию, чьи стратегические цели не совпадали с турецкими.

* * *

Новое осмысление собственной идентичности и бесперспективность надежд на европейскую интеграцию сыграли важную роль в пересмотре Турцией своего места в формирующейся мировой системе и определении новых приоритетов и направлений внешней политики. Другими словами, внутренние изменения расширили и обогатили содержание идентичности, что в совокупности с трансформацией международной обстановки расширили границы внешнеполитических интересов, включив сюда регионы, географически примыкающие к Турции, культурно и исторически с ней связанные и экономически привлекательные. Апелляции к османскому прошлому служили лишь напоминанием, что с бывшими областями империи, ныне независимыми государствами, существует общая история, сохраняются культурные и людские связи, они составляют географическое соседство. Всё это является основой для налаживания равноправного и взаимовыгодного политического, военного, экономического и культурного сотрудничества. Именно на этих предпосылках основывается нынешняя политика Анкары, поскольку ни в программе ПСР, ни в документах турецкого МИДа нет никаких отсылок на османскую историю и империю.

Неоосманство было придумано, чтобы привлечь внимание и будоражить воображение.

Термин, наподобие «пантюркизма» и «панисламизма», выражает эмоциональную оценку, но не основателен при исследовании существа внешней политики Турции, которую к тому же сравнивают с той, что проводилась в годы холодной войны. В самом этом сравнении заключается ошибка, которая ведёт к неправильному пониманию и ложной трактовке политики Анкары, в которой появились новые элементы, но не было фундаментальных изменений. Ведь уже в начальный период своей республиканской истории страна под руководством Мустафы Кемала проводила самостоятельный курс. Но после вступления в НАТО Турция отошла от него, хотя определённая преемственность была впоследствии восстановлена. Прозападный уклон был для Турции скорее вынужденным, чем добровольным. Страна просто вернулась к более для неё естественной раннереспубликанской политике, которую она всего лишь возродила уже в новый исторический период и в условиях другой глобальной реальности.

Нынешнюю политику можно научно характеризовать как турецкий регионализм. Речь идёт о Турции, а не прекратившей своё существование Османской империи. Подходящим и уместным термином в определении современной внешней политики Анкары был бы «неокемализм». Кемализм не отвергнут, но концептуально дополнен и обогащён в процессе эволюции, приспособлен к новым реалиям. Географические соседние регионы, с которыми была общность политических интересов и существовала историко-культурная близость, были приоритетами и внешней политики Мустафа Кемала. В нынешних условиях эта география расширена, историко-культурные связи получили новую перспективу, появился экономический интерес и региональное измерение, что и позволяет говорить о «неокемализме».

Список литературы / References

- Barchard, D. (1985). *Turkey and the West*. Chatham House Papers 27. London, Boston, Henley: Routledge & Kegan Paul.
- Çelik, Ö. (2010/2011). The Efficiency of Turkish Foreign Policy. *Turkish Policy Quarterly* (4): 31-35.
- Davutoğlu, A. (2001). *Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları. (in Turkish).
- Davutoğlu, A. (2008). Turkish Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007. *Insight* (1): 77-96.
- Demirtas, B. (2013). Turkey and the Balkans: Overcoming Prejudices, Building Bridges and Constructing a Common Future. *Perceptions. Journal of International Affairs* (2): 163-184.
- Donelli, F. (2017). Neo-Ottoman Weltanschauung. In: Tabak, H., Tufekci, O., Chiriatti, A. (eds.). (2017). *Domestic and Regional Uncertainties in the New Turkey*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing: 155-166.
- Ekinci, M.U. (2013). Turkey's «Zero Problems» Era in the Balkans. SETA. Analysis.
- Fuller, G. (1993). *From Eastern Europe to Western China: The Growing Role of Turkey in the World and Its Implications for Western Interests*. Santa Monica: RAND.
- Grigoriadis, I.N. (2010). *The Davutoğlu Doctrine and Turkish Foreign Policy*. Middle Eastern Studies Programme. Working Paper. No 8. Hellenic Foundation for European and Foreign Policy.
- Hale, W. (2000). *Turkish Foreign Policy 1774-2000*. London: Frank Cass.
- İşiksal, H. (2015). Turkish Foreign Policy During the AKP Era. In: İşiksal, H., Örneci, O. (eds.) (2015). *Turkish Foreign Policy in the New Millennium*. Frankfurt am Main: Peter Lang Imprint.
- Kaliber, A. (2013). The Post-Cold War Regionalisms of Turkish Foreign Policy. *Journal of Regional Security* (1): 25-48. DOI: 10.11643/issn.2217-995X131SPK28
- Laçiner, S. (2009). Turgut Özal Period in Turkish Foreign Policy: Özalizm. *USAK Yearbook*

(2): 153-205.

Moutsis, I. (2017). Towards a Pax Ottomana? Turkish Foreign Policy in the Balkans in the AKP Era. In: Tabak, H., Tufekci, O., Chiriatti, A. (eds.). (2017). Domestic and Regional Uncertainties in the New Turkey. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing: 179-189.

Murinson, A. (2006). The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy. Middle Eastern Studies (6): 945-964.

Öktem, K. (2011). Turkey since 1989: Angry Nations. Nova Scotia: Fernwood.

Özal, T. (2001). Turkey in Europe and Europe in Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Turkish Diplomatic Archives. Available at: <https://webarchive.loc.gov/legacy/20011115161732/http://www.mfa.gov.tr/grupe/eg/eg05/24.htm> (accessed 24.09.2020).

Petrović, Ž.N. (2011). Turkey's New Approach to the Western Balkans. International and Security Affairs Center, Belgrade.

Rašidagić, E.K., Hesova Z. (2020). Development of Turkish Foreign Policy Towards the Western Balkans with Focus on Bosnia and Herzegovina. Croatian International Relations Review (86): 96-129. DOI: 10.37173/cirr.26.86.4

Raxhimi, A. (2011). Davutoğlu: I am not a neo-Ottoman. BalkanInsight. 26.04.2011. Available at: <http://www.balkaninsight.com/en/article/davutoglu-i-m-not-a-neo-ottoman> (accessed 12.12.2013).

Rüma, I. (2011). Turkish Foreign Policy towards the Balkans: Overestimated Change within Underestimated Continuity? In: Zeynep, O. (ed.) (2011). Turkey in the 21st Century: Quest for a New Foreign Policy. Özden Farnham: Ashgate: 135-157.

Taşpinar, Ö. (2011). The Three Strategic Visions of Turkey. US-Europe Analysis Series №50. Center on the United States and Europe at Brookings. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0308_turkey_taspinar.pdf (accessed 03.07.2021).

Tüysüzöğlü, G. (2015). Turkey as a Stabiliser in the Black Sea Region. In: İşiksal, H., Örneci, O. (eds.) (2015). Turkish Foreign Policy in the New Millennium. Frankfurt am Main: Peter Lang Imprint.

Uzer, U. (2016). An Intellectual History of Turkish Nationalism. Between Turkish Ethnicity and Islamic Identity. Salt Lake City: The University of Utah Press.

Walker, J.W. (2012). Reclaiming Turkey's Imperial Past. Turkey and Its Neighbors: Foreign Relations in Transition. London: Lynne Rienner Publishers.

What Turkey Wants. Sarajevo weekly. 23.10.2009. Available at: <http://grayfalcon.blogspot.com/2009/11/what-turkey-wants.html> (accessed 09.09.2020).

Yakış, Y. (2015). Foreword. In: İşiksal, H., Örneci, O. (eds.) (2015). Turkish Foreign Policy in the New Millennium. Frankfurt am Main: Peter Lang Imprint.

Yanık, L.K. (2011). Constructing Turkish «exceptionalism»: Discourses of liminality and hybridity in post-Cold War Turkish foreign policy. Political Geography (30): 80-89.

Yanık, L.K. (2016). Bringing the Empire Back In: The Gradual Discovery of the Ottoman Empire in Turkish Foreign Policy. Die Welt des Islams (56): 466-488.

Аватков, В.С. (2014). Неосманизм. Базовая идеология и геостратегия в Турции // Свободная мысль (3): 71–78. [Avatkov, V.S. (2014). Neoosmanism. Basic ideology and geostrategy of the contemporary Turkey. Free thought (3): 71-78. (in Russian).]

Ататюрк, К. (1966). Избранные речи и выступления. М.: «Прогресс». [Atatyrk, K. (1966). Selected speeches and proceedings. Moscow: «Progress». (in Russian).]

Васильев, Д.Д. (ред.) (2016). Российско-турецкие отношения: Первые 15 лет XX столетия. М.: РГГУ. [Vasil'ev, D.D. (ed.) (2016). Russian-Turkish Relations: the First 15 Years of the 20th Century. Moscow: RGGU. (in Russian).]

Едемский, А.Б. (2012). Неосманизм как реальность современной геополитики // Проблемы национальной стратегии 2(11): 204–208. [Edemskij, A.B. (2012). Neo-Ottomanism as a reality of modern geopolitics. Issues of national strategy 2(11): 204-208. (in Russian).]

Киреев, Н.Г. (2007). История Турции XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+. [Kireev, N.G. (2007). History of Turkey in XX century. Moscow: Institute of Oriental studies; Kraft+. (in Russian).]

Маврина, Ю.В. (2014). Концепция Давутоглу и её влияние на внешнюю политику Турции (2001-2011 гг.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. [Mavrina, Yu.V. (2014). The concept of Davutoglu and its influence on Turkish foreign policy (2001-2011). Saratov: Saratov state university named after N.G. Chernyshevskii. (in Russian).]

Мухамметдинов, Р.Ф. (1996). Зарождение и эволюция тюркизма. Казань: Изд-во «Заман». [Muhammetdinov, R.F. (1996). The origin and evolution of Turkism. Kazan: «Zaman». (in Russian).]